

ВИРГИЛІЕВА ЭНЕИДА.

BRITISH MUSEUM

ВИРГИЛІЕВА

ЭНЕИДА,

НА

МАЛОРОССІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ

И. Котляревскимъ.

ЧАСТЬ VI.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цен-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетер-
бурга 25 Марта 1840 года.

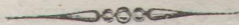
Ценсоръ Никитенко.

ЭНЕИДА

НА

МАЛОРОССИЙСКИЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ.

Зевесъ моргнувъ якъ криль усамы,
Олимпъ мовъ лыстыкъ затрусывсь;
Мыгнула блыскавка съ громамы,
Олимпскій потрухъ взворушивсь.
Богы, богыни и пивбогы,
Простоволоси, босоноги,
Бижать въ Олимпську Карвасарь (*).
Юпытеръ гнивомъ розпаленный,
Влетивъ до ныхъ мовъ навиженный
И крыкнувъ, якъ на гончыхъ псарь:

(*) Карвасарь, Словесный Судъ на ярмаркахъ, бывшихъ прежде въ Малороссійскихъ городахъ.

«Чи довго будете казытысь,
«И стыдъ Олимпови робыть?
«Що день проміжъ себе сварытысь,
«И смертныхъ съ смертнымы травить?
«Поступкы ваши вси не божи;
«Вы на сутяжникивъ похожи
«И рады мордовать людей;
«Я васъ изъ неба поспыхаю
«И до того васъ укараю,
«Що пасты будете свynieй.

«А вамъ, Олимпськи зубоскалки,
«Моргухы, дзыгы, фыгляркы,
«Березови дамъ прышаркы,
«Що довго буде вамъ въ тямкы.
«Охъ вы на смертныхъ дуже ласи!
«Якъ Грекъ на Ниженьскы ковбасы,
«Все лыхо на земли одъ васъ.
«Чрезъ ваши зводни, женихання,
«Не маю я ушановання;
«Я намочу васъ въ шевській квасъ.

«Або отдамъ васъ на роботу,
«Запру въ смырытельныхъ домахъ,
«Тамъ выженуть изъ васъ охоту
«Содомить на земли въ людяхъ.
«Або я лучшу кару знаю,
«Ось-якъ богынь я укараю:
«Пошлю васъ въ Запорожську Сичъ;
«Тамъ вашихъ каверзъ не вважають,
«Жинокъ тамъ на тютюнъ миняють,
«Въ день пьяни сплять, а крадуть въ ничь.

«Не вы народъ мій сотворылы,
«Не хысть создать вамъ червьяка;
«На щожъ людей вы роздрочылы?
«Вамъ нужда до чужыхъ яка?
«Божусь моею бороною
«И Гебеною пеленою,
«Що тыхъ богивъ льшу чынивъ,
«Яки теперь въ вйну влетутся;
«Нехай Эней и Турнъ скубутся,
«А вы глядитъ своихъ чубивъ.»

Венера молодыця смилла,
Бо все зъ военнымы жыла,
И быте зъ нымы м'ясо йила;
И по трахтырахъ пунишь ныла;
Частенько на соломи спала,
Въ шенели сирій щеголяла,
Походомъ на визку тряслась;
Маньшкы офыцёрськи прала,
Зъ стрючкомъ горилку продавала,
И мерзла въ ничъ, а въ день пеклась.

Венера по драгунськы — смилло
Къ Зевесу въ вытяжку иде,
Начавшы говорыты дило,
Очей зъ Зевеса не зведе:
«О тату сыльный, вельчавый!
«Ты всякый помысль зрышь лукавый,
«Тебе ни хто не проведет;
«Ты окомъ землю назыраешъ,
«Другымъ за нами прыглядаешъ,
«Ты знаешъ, що, и якъ, и де.

«Ты знаєшь для чого Троянцїв
«Злымъ Грекамъ попустывъ побыть;
«Энея съ прыгорщею ланцивъ
«Веливъ судьбамъ не потопыть;
«Ты знаєшь лучше всихъ прычину,
«Чого Эней прышлывъ къ Латыну
«И били Тыбра посельвсь?
«Тыжъ словомъ що опредїляєшь,
«Того во вѣкъ не одминаєшь;
«Видкиль же Турнъ тутъ прытулывсь?

«И що таке Турнъ за свято,
«Що не вважає и тебе?
«Фрыгїйське племѣя не проклято,
«Що всякій еретькъ скубе;
«Твои законы бѣ исполнялысь,
«Колыбъ Олимпьски не мищалысь
«И не стравлялы бы людей.
«Твоихъ прыказивъ не вважають,
«Нарошно Турну помагають;
«Бо, бачъ, Венеринъ сынъ Эней.

«Троянщивъ бидныхъ и Энея
«Хто не хотивъ, той не пужавъ;
«Терпили гирише Прометея,
«На люльку що огню укравъ.
«Нептунъ зъ Эломъ зъ перепросу
«Дали такого перечосу,
«Що й дѣси зашпоры щымлять.
«Другіежъ богы що казаты?
«Дила ихъ лучше мусишь знаты,
«Энея тилько не зыйдаты.

«О Зевсъ! о батечку мій ридный!
«Огляньсь на плачъ дочкы своей;
«Спасы народъ Фрыгійській бидный,
«Винъ дило есть руки твоей.
«Якъ маешь ты кого караты,
«Карай мене—карай! я маты,
«Я все стерплю рады дитей! —
«Услышь Венеру многогришну!
«Скажи мни ричъ твою утишну:
«Щобъ живъ Іуль, щобъ живъ Эней! —

«Мовчать! прескверна пащыкухо!

Юнона злобна пороцыть:

«Финдюрко, ящирько, брехухо!

«Якъ дамъ! — очинокъ излетьть;

«Ты смієшь кошєня мерзєне,

«Зєвесу доносыть на мене,

«Щобъ тымъ насъ прывєсты вь розладъ:

«За кого ты мене прыймаєшь?

«Хибажъ ты сучыще не знаєшь,

«Що Зєвсь мій чоловикъ и братъ?

«Тобижъ Зєвєсь, скажы, не стыдно,

«Що предъ тобою дрянъ и прахъ,

«Базика о' богахъ обыдно,

«Мудрує о твоихъ дїлахъ;

«Якый ты свѣта повельитель?

«И нашъ Олимпскый предводитель,

«Колы протывъ Финдюркы пасъ?...

«Всєсвѣтня волоцюга, мерзька,

«Никчемна зводныця Цытерьська,

«Для тебе лучшая одъ насъ.

«А зъ Марсомъ чи давно піймавішы,
«Вулканъ йій пелену видтявъ;
«Ризкамы добре одидравшы,
«Якъ сучку въ ретязку державъ.
«Но ты того буцимъ не знаешъ,
«Якъ честную ти прыймаешъ
«И все робыть для неи радъ.
«Вона и Трою розорыла,
«Вона Дидону погубыла;
«Но все иде для неи въ ладъ.

«Де ся підтипанка вмишалась,
«То вербья золоте росло;
«Землябъ счастливою назвалась,
«Колыбъ таке пропало зло!
«Чрезъ неи вся Латынь возстала
«И на Троянъ ти напала,
«И Турнъ зробивсь Энею врагъ.
«Не можна бидь всіхъ изличыты,
«Якыхъ успила наробыты
«На неби, на земли, въ водахъ.

«Теперь же на мене звертае,
«Сама наброившы биды;
«И такъ Зевеса умоляе,
«Мовъ тилько вылизла зъ воды.
«Невынычасть мовъ Сусанна;
«Незаймана никомы панна,
«Що въ хутори сжыла весь вѣкъ.
«Не дѣждешъ съ бабкою своею —
«Я докажу твоему Энею....
«Богыня я! — винъ чоловікъ.»

Венера лайкы не стерпила,
Юнону стала кобенить;
И перепалка закипила,
Одна другу хотила быть.
Богыни въ гнѣви, также бабы
И такъ же на уторы слабы,
Зъ досады часомъ и брехнуть:
И якъ перекупкы горланять,
Одна другу безчестять, ганять
И ридъ весь съ потрухомъ кленуть.

«Та цытьте чортовы сорокы!
Юпытеръ гризно закрычавъ;
«Обомъ вамъ обибью я щокы;
«Щобъ васъ бублейныщъ врагъ побравъ!
«Не буду васъ карать громамы;
«По пятихъ выбью чубукамы,
«Олимпъ заставлю вымитать;
«Я васъ умію усмырыты,
«Заставлю честно въ свити жыты
«И заразь дамъ себе вамъ знать.

«Занышкнить, уха наставляйте
«И слухайте, що я скажу;
«Мовчить! роты пороззявляйте,
«Хто пїсне, — морду розмижжу.
«Промижъ Латынцївъ и Троянцївъ,
«И всякихъ Турновыхъ поганцївъ,
«Не сыкайся ни хто въ вїйну;
«Ни хто, ни якъ не помагайте,
«Князькивъ ихъ также не займайте,
«Побачымъ здасться хто кому.»

Замовкъ Зевесъ, моргнувъ бровами
И богы вrostычъ вси пишлы,
И я прощаюсь съ небесами,
Пора спустытысь до земли
И стать на Шведськую могылу,
Щобъ озырнуть военну сылу
И битву вирно описать;
Купывъ бы музи на охвоту,
Щобъ кончыть помогла роботу,
Бо нигде рыфмъ уже достать.

Турнь осушывъсь писля купання
И ганусною пидкрепывъсь,
Зъ намету выйихавъ зарання,
На крипость сентябрьомъ дывывсь.
Трубыть въ рижокъ!—опять тревога!
Крычатъ, бижать, спшизатъ якъ мога;
Велькая настала сичъ!
Троянцы дуже славно былысь,
Рутульцы трохи пожывылысь,
Насылу розвела ихъ ничъ.

Въ сю ниць Эней уже зблыжався
До городка, що Турнъ облигъ;
Съ Паллантомъ въ човни частовався,
Поивъ всю старшину якъ мигъ.
Въ розказахъ чванывся диламы,
Якъ храбровавъ зъ людьмы, зъ богами,
Якъ безъ розбору всіхъ тузывъ.
Паллантъ и самъ бувъ зла брехачка,
Языкъ його тожъ не клесачка,
Въ брехни Энею не вступывъ.

А ну! старая царь дивыще,
Сидая музо схаменьсь!
Прокашляйсь безъ зубивъ сестрыще,
До мене близьче прыхылысь!
Кажы: якіе тамъ прасункы,
Въ Энеевы пишлы вербункы,
Щобъ противъ Турна воювать.
Ты музо, кажуть вси, письменна,
Въ Полтавській школи наученна,
Всихъ мусишь поименно знать.

Чытайце жъ, муза що бормоче:
Що тамъ зъ Энеемъ плывъ Массыкъ,
Линтий, ледащо неробоче,
А сымный и товстый мовъ быкъ.
Тамъ правывъ каюкомъ Тыгренько,
Изъ *Стеховскы* (*) то шынкаренко
И вивъ съ собою сто ярыгъ.
Блызъ сыхъ плылы дубы Аванта,
Винъ бувъ страшыйиый одъ сержанта;
Бо всихъ, за все, по спыни стрыгъ.

Поотдавъ плывъ байдакъ Астура,
Сей лежнемъ въ выныцяхъ служывъ;
На нимъ була свыняча шкура,
Котору винъ якъ плацъ носывъ.
За нымъ Азымась плывъ на барци,
Се родычъ нашый паламарци,
Недавно зъ кошелькомъ ходывъ;
Но, бачъ, безокая фортуна,
Зробыла паномъ изъ чупруна.
Такыхъ не мало бачымъ дывъ!

(*) Небольшое селеніе близъ Подтавы.

А то на легкому дубочку,
Що роззолочений весь въ прахъ,
Сыдыть росхриставшы сорочку,
Зъ Турецкымъ чубукомъ въ зубахъ?
То Цынарысь, цехмыстръ картьожный,
Фыгляръ, обманцыкъ, плуть безбожный,
Зъ собой всихъ шахраивъ веде;
Колы, бачъ, Турна не здолють,
То картамы уже подіють,
Що мижъ старці Турнь попаде.

А то сыдыть въ брыли, въ керей,
Съ товстою книжкою въ рукахъ,
И всимъ, бачъ, гонить ахыней,
И спорить о своихъ правахъ?
То, родомъ зъ Глухова, юриста,
Винъ мае чынъ Канцеляриста
И есть добродій Купавонъ.
Щобъ Значкового дослужиться
И на війни чымъ поживыться,
Вступывъ въ Энеивъ легіонъ.

А то беззубый, говорливый,
Сухой, неvirный, якъ шкелеть,
И лысый и брехунъ сварливый?
То выхрысть изъ жидивъ Авлетъ.
Недавно на другій женився,
Та, бачъ, въ рахунку помельвся,
Изъ жару въ поломья попавъ;
Щобъ одъ ягы якъ одвязатысь,
То мусивъ въ вйсько запысатысь
И за шпыгона на годъ ставъ.

Ище тамъ есть до пивдесятка,
Но дрибязокъ и тольтипа;
Въ такихъ не буде недостатка,
Хоть въ день ихъ згыне и копа. —
А скилько жъ всихъ? — того не знаю,
Хоть муза я, — не одгадаю,
По пальцямъ тожъ не розличу;
Бигъ-ме! на щотахъ не учылась,
Надъ карбижемъ тожъ не трудылась,
Я, що було, те лепечу.

Уже Волосожарь пиднявся,
Визь на неби въ низь повертався,
И де-хто спаты укладався,
А хто пидь бурной вытягавсь.
Онучи ынчи полоскалы,
Други лежя розмовлялы,
А хто прудывся у кабыць.
Старшій пидпывшы розійшлыся
И дома за люльки взялыся,
Лежалы бокомъ, навзничь, ныць.

Эней одынъ не роздягався,
Эней одынъ за всіхъ не спавъ;
Винъ думавъ, мыслывъ, умудрався,
(Бо самъ за всіхъ и одвичавъ.)
Якъ Турна ворога побыты,
Царя Латына ускромьты
И успокоиты народъ.
Въ сій думци смутно похожая
И мыслью богъ зна де литая,
Пидь носомъ бачыть короводъ.

Ни рыбы то булы, ни раки,
А такъ, якъ бы кружокъ дивчатъ;
И бовтались якъ собаки,
И въ голосъ якъ кишки нявчатъ.
Эней здрыгнувсь и одступае
И да воскреснетъ въ слухъ чытае,
Но сымъ ни трохи не помигъ;
Ти чуда зъ смихомъ, зъ реготнею,
Вхватывысь за помы зъ матнею,
Эней ажъ на помистъ прылигъ.

Тогди одна къ йому сплыгнула
Такъ, мовъ цвиркунъ, або блоха,
До уха самого прыльнула,
Мовъ гадына яка лыха.
«Чи не пизнаешъ насъ Энею?
«Та мы жъ съ персоною твоею,
«Трояньскій весь возымы родъ;
«Мы Идськои горы дубына,
«Лыкы, горишына, соснына,
«Зъ якыхъ буеъ зроблений твій флотъ.

«До насъ було Туркъ докосывся
«И байдакы вси попалывъ;
«Та Зевсъ, спасы-би, поспишывся,
«Якъ бачъ, *мавки* поробывъ;
«Була безъ тебе зла година,
«Трохы, трохы твоя дытына
«Не отдала души богамъ,
«Спишы свй городокъ спасаты;
«Ты мусишь ворогамъ тьху дати,
«Ты самъ; — повирь моимъ словамъ.»

Сказавшы за нисъ ущипнула;
Эней мовъ трохы ободрывъ;
И на другихъ хвостомъ махнула,
Ввесь флотъ ниначе поспишывъ;
Мавкы бо стали човны пхаты,
Путемъ найлучшымъ направляты.
И тилько начинався свить,
Эней уздривъ свй станъ въ осади;
Крычыть во гниви и досади,
Що Турна лусне тутъ жывить.

А самъ матню прибравшы въ жменю,
По поясъ въ воду съ човна плыгъ;
И клыче въ помичъ гарну неню
И всихъ Олимпивськихъ богивъ.
За нымъ Паллантъ, за сымъ вся сволючъ
Стрыбъ, стрыбъ съ човнивъ, Энею въ помочь
И тисно строятся на бой.
«Ну разомъ! закрычавъ, напримо!
«И недовиркивъ сокрушимо,
«Рушайте, якъ одынъ, шульгой.»

Троянцы зъ города уздрившы,
Що князь на помичъ къ нымъ иде,
Вси кынулысь, мовъ одурившы,
Земля одъ топотни гуде.
Летять и все перевертають,
Якъ мухъ Рутульцивъ убывають;
Самъ Турнь стоитъ ни въ сыхъ, ни въ тыхъ;
Скризь ярымъ окомъ окыдае,
Энея зъ вйськомъ уздривае
И решете до своихъ:

«Рыбьята! бийтесь, не выляйте,
«Наставъ теперь-то сичи часъ!
«Домы, жинокъ, батькивъ спасайте,
«Спасайте, любо що для васъ!
«Ступня не отдавайте даромъ,
«Ихъ косты за гребемъ тутъ раломъ,
«Або—но мы храбриши ихъ!
«Олимпьски насъ не одступымысь,
«Впередъ! Троянцы щось смутылысь,
«Не жалуйте бокивъ чужыхъ.»

Прымитяжъ Турнъ гармидеръ въ флота,
Туда всю силу волоче;
Скризь йорзае, якъ чортъ въ болоти
И о пожыви всимъ товче.
Построившы Рутульцивъ въ лаву,
Одборныхъ молодцивъ на славу,
Пустывся на союзныхъ вскачъ,
Крычыть, рубаетъ, вередуе,
Не бьется, бачъ, а мовъ жартуе,
Бо бувъ вертявий и сьмачъ.

Эней пройдысвить и не промахъ,
Въ вѣйни и взрись и постаривъ;
Прывидця бувъ во всихъ содомахъ,
Ведмедивъ бачивъ и тхоривъ.
Дытына хукае на жыжу;
Энеюжь дуръ не вдывовыжу,
Выдавъ винъ разныхъ мастакивъ.
На Турна скоса поглядае
И на Рутульцивъ наступаетъ,
Пощунать роберъ и бокивъ.

Фарона першого погладывъ
По тымю гострымъ кладенцемъ
И добре такъ його уладывъ,
Що сей выльнувъ на верхъ денцемъ.
Потимъ Лихаса въ груды тыснувъ,
Сей повалывсь и билшъ не пыснувъ;
За нимъ безъ головы Кисей,
Якъ михъ съ пашнею, повалывся,
И Фаръ на теежь нахопывся,
Росплющывъ и сього Эней.

Энсь туть добре колобродывъ
И всихъ на чудо потрошивъ;
Робывъ винъ изъ людей уродивъ
И щиро всихъ на смерть душивъ.
Палланть бувъ першій разъ на бытви,
Крычавъ жыдкы якъ на молитви,
Аркадянь къ бою шидтрунявъ.
По фрунту бигавъ, турбовався,
Плыгавъ, вертився, ухылявся,
Якъ огерь въ стади арувавъ.

Туть Дагъ Рутулець прелукавый
Пизнавъ одъ разу новычка,
Хотивъ попробовать для славы,
Паллантови шиддаты тычка;
Но нашъ Аркадець ухылявся,
Рутулець съ жызнею простывся.
Въ Аркадцяхъ закъшила кровь!
Одни другихъ вышережають,
Врагивъ якъ хмызъ троцать, ламають;
Така шидданцивъ есть любовь.

Паллантъ Эвандровичъ наскокомъ
Якъ разъ Гибсона и насивъ,
Шпыгнувъ въ высокъ надъ правымъ окомъ,
Гибсонъ и дутеля изъйивъ.
За сымъ такая жъ смертна кара
И лютого постыгла Лара.
Ось Ретій въ бендюгахъ летыть!
Сього Паллантъ стягнувъ за ногу,
Ударывъ якъ пузырь объ дрогу,
Мазка изъ трупа капотыть.

Ось! ось! ярытся, бисомъ дыше!
Агамемноненко Талесъ.
И быстрымъ бигомъ все кольше,
Ниначе въ гниви самъ Зевесъ;
Вокругъ себе все побывае,
Фареть зъ нымъ збигшысь погыбае;
Души пустывся Демотокъ.
Ладона сплющывъ якъ блощыцю,
Крычыть:» Палланта ледащыцю
«Злыгаю я въ одынъ ковтокъ.»

Палланть любесенькій хлопчына
Скрипывсь, стоить якъ твердый дубъ
И жде яка то зла лычына,
Йому намъяты хоче чубъ.
Дождавсь, — и зо всього розгона
Влипивъ такого макогона,
Що панъ Талесъ шкереберть ставъ.
Палланть його поволочывшы,
Потимъ на горло наступывшы,
Всього ногами потоптавъ.

За сымъ Авента пхнувши зъ заду,
Поставивъ ракомъ на показъ;
И тутъ сьогожъ понюхавъ чаду
Одважный парубійка Клавзь.
Хто ни сусиль, тому кабаки
Дававъ Палланть, и вси бурмаки,
Зъ Аркадіи що зъ нымъ прыйшлы. —
Побачывъ Турнъ соби зневагу,
Не медъ дають тутъ пыть, — а брагу,
И косы не траву найшлы.

Зробився Турнѣ, нашѣ бисноватымъ,
Реве якъ ранений кабанъ;
Гасѣ, фынтыть своимъ зыкратымъ;
Що ванѣ протывъ його Полканъ!
Простесенько къ Палланту мчытся,
Зубамы скрыготыть, ярытся
И гамка йисты здалека.
Уже шаблюкою махае,
Коневѣ къ шынѣ прылягае,
Хытрыть, якъ ловить китъ шпака.

Паллантъ, мовъ одъ хорта лысыця,
Вильнувъ и обиручъ мечемъ
Опоясавъ по поясныци,
Що Турнѣ ажъ поморгавъ плечемъ;
И вмыгъ не давши схаменутись,
Ни головою повернутись,
Стьогнувъ ще Турна черезъ лобъ.
Но Турнѣ байдуже не скрывився,
Бо бачъ булатомъ весь обшывся
И бувъ якъ въ шкаралупи бобъ.

Такъ Турнъ Палланта підпустывшы,
Зо всихъ сыль келепомъ мазнувъ;
За русы кудри ухватывшы,
Безчувственна зъ коня стягнувъ;
Кровь зъ раны джереломъ лылася,
Въ устахъ и въ носи запеклася,
На двое черепъ розвалывсь;
Якъ травка скошенная въ поли
Увявъ Паллають, судебъ по воли;
Сердега въ свити не наживсь!

Турнъ злобно сыльною пъятою
На трупъ Палланта настоптавъ,
Ремень зъ лядункой золотою,
Зъ бездушного для себе знявъ;
По тимъ самъ на коня схватывся,
Надъ мертвымъ панычемъ глумився
И такъ Аркадіянамъ сказавъ:
«Аркадци! лыщаря возьмите!
«Въ ралець къ Эвандру однесите,
«Къ Энею що въ союзъ приставъ.»

Таку побачившы утрату
Аркадци галасъ пиднялы,
Клялыся учынить одплату,
Хочабы трупомъ вси ляглы;
На щыть Палланта положиы,
Комлыцькой буркою прыкрылы,
Изъ бою потаскалы въ станъ.
О смерты князя вси рыдалы,
Харцыза Турна проклялы. —
Та дежъ Трояньскій нашъ Султанъ?

Но що за стукъ, за гоминъ чую?
Якый гармидеръ бачу я!
Хто землю такъ трясе сырую?
И сыма тамъ мутыть чія?
Якъ выхри на пискахъ бушують,
Въ порогахъ воды якъ лютують,
Колы прорватися хотять;
Эней такъ въ лютимъ гниви рвется,
Отмстыть Палланта смерть несется,
Суставы вси на нимъ дрыжать.

До лясу! Турна розбышакы,
Вамъ билше расту не топтать!
Вамъ дасть Эней мицной кабаки,
Що будете за *Стыксомъ* чхать.
Эней совавсь якъ навиженный,
Крычавъ, скакавъ, мовъ вилъ скаженный,
И супротивныхъ потрошивъ:
Махне мечемъ, — врагивъ десятки
Лежать, повыставлявши пятки;
Такъ въ гниви сыльно ихъ локшивъ!

Въ запали налетивъ на Мага,
Якъ на мале курча шуликъ;
Пропавъ на викъ сей Магъ бидняга,
Порхне душа на другый бикъ;
Видючой смерты винъ боявся,
Эней у ногахъ валявся,
Просивъ живцемъ въ неволю взять:
Но сей копьемъ наскризь пробывши,
И до земли врага прышывши,
Другыхъ пустився доганять.

Тутъ на бигу піймавъ за рясу
Попа, Рутульскаго полку,
Смертельнаго задавши прасу,
Якъ пса покынувъ на пську.
Погыбъ тутъ также храбрый Нума,
Убивъ Сереста його кума,
Тарквыту голову одтявъ;
Камерта высадивъ съ кульбаки,
Ансуре въ адъ пославъ по раки,
А Луку пузо расплатавъ.

Якъ задававъ Эней затьору
Всѣмъ супостатамъ наказъ;
Якъ всѣхъ калычывъ безъ розбору
И убывавъ по десять въ разъ:
Лигарь зъ Лукулюмъ поспышають
И въ тарадайци напырають
Энея киньмы потоптать.
Но тутъ ихъ доля зла наспыма,
И души сыхъ бративъ изъ тила
Пышлы къ Плутону погулять.

Такъ нашъ Эней тутъ управлявся
И станъ свій чыстывъ одъ врагивъ;
Прогнавшы супостатъ, сблыжався
До, городка свого, валивъ.
Трояне вылазку зробывшы,
Латынянъ къ чорту протурывшы,
Зъ Энеемъ въ купу изійшлысь.
Здоровкалыся, обнималысь,
Роспытовалысь, циловалысь,
А де-яки пыть прынялысь.

Гуль якъ комендантъ исправный
Энееви лепортъ подавъ,
Якъ вѣйска ватажокъ начальный,
Про все дрибненько розказавъ.
Эней Гула выхваляе,
Потимъ до сердца прыжымае;
Цилуетъ люблязно въ уста.
Эней сердце трепетало,
Воно о сыни вищовало,
Що винъ надежда не пуста.

Въ се время Юпѣтеръ пидпывшы,
Зъ нудыгы до жинкы пидмоцавсь
И морду на плече склонывшы,
Якъ блазень чмокавсь, та лызавсь;
Щобъ билше жъ угодыть коханци,
Сказавъ: «дывыся якъ Троянцы
«Одъ Турна вrostычь вси летять;
«Венера пасъ передъ тобою;
«Одъ неи краца ты собою,
«До тебе вси лапкы мостять.

«Мое безсмертые яруе,
«Роскошныхъ ласкъ твоихъ бажа;
«Тебе Олимпъ и свить шануе,
«Юпѣтеру ты госпожа;
«Захочъ, — и вродытся все зразу,
«Все въ свити ждеть твоего прыказу,
«За твій смачный и ласый цмокъ....»
Сказавшы стыснувъ такъ Юнону,
Що трохи не скотылысь съ трону,
А тилько Зевсъ набывъ высокъ.

Юнона, козырь молодыця,
Юпытеру не пиддалась;
Бо знала, що стара лысыця
На всяки штуку удалась,
Сказала: «о очей всихъ свите,
«Старый Олимпскій Езuite!
«Зъ медовыми ричмы сховайсь.
«Уже мене давно не любышъ,
«А тилько пьяный и голубышъ.
«Одсунься геть — не пидсыпайсь.

«Чого передо мной лукавышъ,
«Не дивочка я въ двадцать мить
«И теревенивени правышъ,
«Щобъ тилько заморочить свить.
«Нехай все буде по твоему;
«Дай тилько Турнови моему
«Хоть трохи на свити пожить:
«Щобъ мигъ винъ зъ батькомъ повидаться,
«И передъ смертю попрощаться;
«Нехай — не буду билишъ просить.»

Сказавшы въ Йовиша впиалася
И обняла за поперекъ,
И такъ натужно простяглася,
Що свить въ очахъ обохъ померкъ.
Розмьякъ Зевесъ якъ писля пару,
И выжлоктивъ пидпинка чару,
На все изволь Юнони давъ.
Юнона въ *котыка* зъ нымъ грала,
А въ *мышкы* такъ залескотала,
Що ажъ Юпѣтеръ задримавъ.

Олимпьскіе во всяку пору
И гримъ пускающій ихъ панъ,
Ходылы голи безъ зазору,
Безъ сорома, на-кштальдъ цыганъ.
Юнона зъ неба увильнувши
И гола якъ долоня буеши,
По парубьячу одяглася;
Клыкнувшыжъ въ помичъ Асмодея,
Взяла на себе выдъ Энея,
До Турна просто понеслася.

Тогди пань Турнь зило гнивився
И пристуку къ соби не мавъ,
Що у Троянь не поживывся
И тьху Энееви не давъ.
Якъ-ось мара въ лыци Энея,
Въ керей бидного Сихея
Явямась Турна задырать;
«А ну лышь лыцарю мезерный,
«Злыденный, вытязю никчемный,
«Выходь столыхъ покуштовать.»

Турнь зыркь, — и бачыть предь собою
Присяжного своего врага,
Що такъ не гречи клыче къ бою
И явно въ трусы пострыга.
Осатанивъ и затрусывся,
Холоднымъ потомъ весь облився,
Одъ гниву сумно застогнавъ.
Наперь мару — мара вылае,
Эней одъ Турна утикае!!
И Турнь въ догонку поскакавъ.

Той не втече, сей не догонить,
Отъ тилько, тилько не вишпыгне;
Зыкратаго мечемъ супонить,
Та ба! мары не пидстѣобне.
«Та не втеченъ, крычить, панычу!
«Ось заразъ я тебе пидтычу,
«Се не въ куклы зъ Лавысей гратъ;
«Тебе я швидко повинчаю
«И воронивъ потишу стаю,
«Колы начнуть твій трупъ клювать.»

Мара Энеева прымчавшысь
До моря, де стоявъ байдакъ,
Ни трохи не останавлившысь,
(Щобъ показать великій лякъ.)
Стрыбнула въ нього, щобъ спастыся;
Тутъ безъ числа Турнь ослипвся,
Тудыжъ въ байдакъ и самъ стрыбнувъ,
Щобъ тамъ зъ Энея поглумыться,
Убыть його, мазкы наныться;
Тогдибъ Турнь первый льщарь бувъ!

Тутъ вмигъ байдакъ заворушився
И самъ одчальвши поплывъ;
А Турнъ скризъ бигавъ и храбрыся
И тишывсь, що врага настыгъ.
Таку Юнона злывши кулю,
Перевернувшись въ зозулю,
Махнула въ вырїй напростецъ.
Турнъ глядь, ажъ винъ уже средь моря,
Трохѣ не луснувъ зъ сердца—зъ горя,
Та мусивъ плыть, де живъ отецъ.

Юнона зъ Турномъ якъ шутила
Эней про тее ни гугу;
Бо на його туманъ пустыла,
Що бувъ невыдымъ ни кому;
И самъ никого тожъ не бачывъ,
Но послѣ якъ прозривъ, кулачывъ
Рутулянъ, и другихъ врагивъ:
Убивъ Лутага, Лавза, Орсу,
Пароену, Палму вытеръ ворсу,
Згубывъ багачько ватажкивъ.

Мезентій ватажокъ Тыррейскій
Одважно дуже підступивъ
И закрычавъ по бусурменски,
Що тилько панъ Эней и живъ!
«Выходь! крычыть, тычка подмимо,
«Никого въ помичъ не просимо,
«Годящи парни: ты—и я;
«А ну!» и сыльно такъ стовкнулись,
Що трохи вязы не звихнулись,
Мезентій же упавъ зъ коня.

Эней не мылуя чванливыхъ,
Въ Мезентія всадыгъ палашъ;
Духъ выскочивъ въ словахъ лайливыхъ,
Пишовъ до чорта на шабашъ.
Эней побидой утипався,
Со всимы добре частовався,
Олимпськымъ жертвы закурывъ.
Пылы до ночи, та гулялы
И пьяни спаты полягали,
Эней бувъ пьяный еле живъ.

Уже свитовая зирница
Була на неби якъ пятакъ,
Або пшенишна варяница,
И небо рдилось мовъ макъ.
Эней Троянщивъ въ гурть сзывае
И смутнымъ видомъ объявляє,
Що мертвыхъ треба поховать;
Щобъ заразъ прынялися дружно,
Братерски и единодушно
Троянъ убытыхъ зволикать.

Потимъ Мезентія доспихы
На пень высокій насадивъ,
И се робивъ не для потихы,
А Марса щобъ удоволывъ.
Шышакъ, панцырь и мечъ булатный,
Спысь съ прапоромъ, щыть дуже знатный;
И пень, мовъ лыщарь, въ збруи бувъ.
Тогди до вйська обернувся,
Прокашлявся и разъ смаркнувся,
И ричъ таку имъ уджыгнувъ:

«Козацтво! лицари! Трояне!

«Храбруйте! наша, бачь, бере;

«Отсе опудало погане,

«Латынивь городь одипре.

«Но перше чимъ начнемъ мы бытысь,

«Для мертвыхъ треба потрудытысь,

«Зробыть ихъ душамъ упокой;

«Имення лицаривъ прославыть,

«Палланта къ батькови одправыть,

«Що наложывъ тутъ головой.

За сымъ пишовъ въ курины просторый,

Де трупъ царевича лежавъ;

Надъ нымъ Аркадській *Пидкоморый*

Любыткомъ мухы обганявъ.

Трояньски плаксы тутъ рыдалы,

Якъ на завийницю крычали,

Эней зарюмавъ басомъ самъ:

«Га! гай! сказавъ, увьявъ мій гайстеръ!

«Якый то бувъ до бою майстеръ.

«Угодно, бачу, такъ богамъ!»

Звеливъ носылкы зъ верболозу,
И зъ очерету балдахынъ
Зготовыть тила для выносу,
Щобъ въ ныхъ Палантъ Эвандривъ сынъ,
Вельможна, паньская персона
Явылася передъ Плутона,
Не якъ абыякый харпакъ.
Жинкы покійныка обмылы,
Нове обрання наложымы,
Запхнулы за щоку пятакъ.

Якъ все уже було готово,
Тогди якыйсь ихъ фылозофъ
Хотивъ сказать надгробне слово,
Та збывся и почухавъ лобъ;
Сказавъ:» Се мертвый и не дышетъ,
«Не выдытъ, то есть и не слышеть,
«Ей, Ей! увы! онъ мертвъ, аминь!»
Народъ видъ ричи улылься
И гирько — гирько прослезывся,
И мурмотавъ: паноче згынь.

Потимъ Палланта покадылы,
Къ носылкамъ вынеслы на двирь;
Пидъ балдахыномъ положиы,
Эней тутъ убывавсь безъ мирь.
Накрывшы гарнымъ покрываломъ,
Лыбонь тымъ самымъ одіаломъ,
Що одъ Дидоны взявъ Эней;
Взмостылы войны на плечи
И помаленьку, постаречи
Неслы въ мистечко *Паллантей*.(*)

Якъ выбрались на чысте поле,
Эней зъ покійныкомъ прощавсь,
Сказавъ:» о жызнъ! бурлыве море,
«Хто цилый на тоби оставсь?
«Просты пріятелю любезный,
«Отдяду я за выдъ сей слезный
«И Турнь получить зъ барышкомъ.»
Потимъ Палланту уклонився,
Облобызавъ и прослезывся,
До дому почвалавъ тышкомъ.

(*) Паллантей, столица царя Эвандра.

Къ господи тилько що вернувся
Нашъ смутный лыцарь панъ Эней,
Уже въ прысинкахъ и наткнувся
На присланныхъ къ нему гостей:
Булы послы се одъ Латына,
И вси Ассесорьского чына,
Одынъ армейскій копытанъ;
Сей скризъ по свиту волочывся
И по Фрыгійську научывся,
Въ посольстви бувъ якъ драгоманъ.

Латынець старшій по породи
Къ Энею рацію начавъ,
И въ нашымъ значить переводи,
Буцимъ-то ось винъ що сказавъ:
«Не ворогъ, хто уже дубленный,
«Не супостатъ, чый трупъ никчемный
«На поли безъ души лежить.
«Позволь тима убитой раты,
«Якъ водытся, земли предаты;
«Нехай Князь мылость сю явить.»